Ожидание звонка / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Ожидание звонка / рассказ ОЖИДАНИЕ ЗВОНКА

Вера запирает дверь. Теперь скорее раскладывать вещи. Так всегда: сначала вещи, потом отдыхать. Наоборот – никогда! Если вещи не разобрать сразу, они так и будут загромождать комнату кучей мусорных мешков (больше не во что было сложить).
Распаковка вещей заглушает вопль: «Да разве же возможна жизнь теперь, когда всё отобрали?» Возможности человека ограничены, решай сколько угодно – по-твоему всё равно никогда не будет, так и будешь до самой смерти барахтаться в дырявом помойном ведре.
Вера ждёт звонка, хотя никто и никогда не позвонит. То есть, конечно, могут позвонить друзья, всякие телефонные рекламщики и мошенники, но тот, чьего звонка ждёт Вера, не позвонит. Сколько не проверяй телефон: вдруг пропущенный, звук отключён – никто не позвонит.
Как же быстро человек обрастает вещами! Когда Вера переезжала к мужу, её пожитки уместились в два больших ашановских пакета. Это немного. Тогда Вера всё ненужное бросила в бабушкиной квартире, ну, пусть остаётся на всякий случай. Вера уж очень не любила выбрасывать вещи, особенно хорошие, из которых по нелепой случайности выросла душой, но которые всё ещё жалко и больно.
Сейчас у Веры – двенадцать жёлтых пакетов, четыре громадных мусорных мешка, большущая хозяйственная сумка, рюкзак и ещё просто пакетик: зимняя одежда, пальто с пышным воротником, пальто с широким капюшоном, ещё демисезонные пальто, белое, красное, розовое, горчичное; кухонная утварь (сотейник, контейнеры для продуктов), пакет перчаток (зачем же столько перчаток?), старые и удобные кеды, так уютно порвавшиеся сбоку; одежда по размеру и одежда не по размеру; ещё книги, старые, когда-то вывезенные из бабушкиной квартиры, и новые, купленные уже там. Вся жизнь – в пакетах. И мусорных мешках.

— Да откройте же! Здесь человек умер, вы что не чувствуете?!
И срываясь на истерику:
— Господи, какой ужасный запах. Неужели вы этого не чувствуете?
Уже какое-то время кто-то стучит в дверь. Да, именно стучит, а не звонит. Звонок-то на что?
Открывать Вера, разумеется, не открывает. Она никогда не открывает незнакомым или малознакомым людям, за редким исключением для курьера. Да и кто в наше время открывает? В новостях столько всего показывают! Вере в новости совсем не хочется.
На площадке женщина лет сорока, взъерошенная, вся на нервах, зажимает рукой нос и другой показывает на дверь соседа. И сбивчиво рассказывает. Она знакомая-подруга Лёньки, то есть соседа. Лёньку Вера, может, раз или два в лифте встречала, ну, в прошлой жизни, да что-то когда-то слышала.
Лёньку не видели уже недели две.
— Господи, у вас тут мертвечиной пахнет! Неужели вы не чувствуете? Позвоните в полицию.
— А почему сами не позвоните?
И да, Вера запаха не чувствует. И не потому, что у неё заложен нос или своих проблем хватает, а потому, что она вообще мало внимания обращает на запахи. Ну да, пахнет чуть-чуть. И что?
«Дайте хоть вещи разложить!» — а потом Вера упала бы на кровать и рыдала, бесконечно проверяя, не звонит ли телефон.
Но женщина не уходит. Вера глубоко вздыхает. Чуть кружит голова, и с левой стороны будто чёрное пятно расползается перед глазом, скула немеет.
— Я позвоню, — выдавливает Вера.
Наконец, безумная уходит.
«Ну почему я? Я? Почему?», — закрывает лицо руками.
Вещи. Длинное светло-зелёное платье-бохо, которое покупала Вера; белое, нежнейшего хлопка, подаренное мужем; книги, советские, в старых, чуть крошащихся переплётах, и новые, на белой гладкой бумаге; самокат — подарок мужа, велосипед, шлем, три кактуса в маленьких горшочках, а к ним в качестве поддона коробка от большого брикета мороженого. Все эти вещи, которые

означали жизнь и счастье, а теперь не значат ничего…
«А ведь у бабушки где-то должен быть телефон отца Лёньки!»
В бабушкиной комнате всё чинно, благородно разложено по местам. Где же телефонная книжка? Вера звонит бабушке. Она в деревне.
Не берёт трубку. Наверное, не слышит.
Ладно, распаковка вещей. Вещь за вещью. Пакет за пакетом. Таков метод. Берёшь один пакет, который ближе всего, и разбираешь его полностью, не берёшься за следующий, пока не закончишь этот. Если одновременно хвататься за все пакеты, то можно увязнуть. Неразобранные вещи имеют свойство потихоньку захватывать твоё пространство для жизни, отбирать у тебя воздух, в них заводится пыль, моль, не дай бог ещё какие-нибудь жуки, и вот тебе остаётся всё меньше и меньше жизни. Хочешь что-то найти, а не можешь, начинаешь перекладывать всё с места на место, разводя ещё больший бардак, а потом его уже не привести в порядок! Только если взять огромные мусорные мешки и выбросить всё разом. Выбросить вещи, мебель, ободрать обои, плинтуса, и вернуться к состоянию ничейной, необжитой квартиры, к началу земного бытия.
Бабушка перезванивает. Телефон Лёнькиного отца нашёлся. В тумбочке под телевизором — серая книжка. Вера звонит.
«А ведь я могла сегодня… Алло! Здравствуйте!»
Вот теперь она звонит незнакомому человеку: здравствуйте! Я ищу отца Лёни, который проживает по такому-то адресу, знаете, его не видели уже давно, на звонки не отвечает, из квартиры идёт странный запах, вы не могли бы приехать.
«Зачем я это говорю? Ведь та баба, Арина, могла бы и сама позвонить».
Да и отцу Леньки можно было бы не звонить, это работа полиции родственников искать. И всё-таки звонит Вера. Ладно, вот пусть родственники приезжают, вызывают полицию и разбираются сами.
«Мне, что, больше всех надо?»
Всё. Вроде едут. Из очень дальнего Подмосковья. Часа за три-четыре доедут.
Вера проверяет телефон. Нет, муж не звонил. Странно, пока она разговаривала по городскому, то совершенно точно слышала, что

звонил мобильный. Но почему же нет пропущенного звонка?
Банки для круп, пакет гречки, рис в пакетиках для варки — всё выложить в шкафчик над плитой. В раскладывании вещей хорошо то, что ощущаешь, будто ты что-то можешь привезти в порядок! Что твои возможности — нет, твои возможности и в самом деле ограничены. Экое счастье — вещи разложить. Ну, разложишь. А толку? Потом всё равно однажды на помойку.
Всю жизнь Вера ненавидела телефонные звонки — громкие, резкие звуки, когда так хотелось тишины — а теперь молила о звонке, всем этим наведением порядка, каждой сложенной, разложенной, определённой на место вещью Вера молила о звонке. Если бы только желания человека имели силу!
Стучат в дверь. Арина докапывается насчёт полиции.
— Отцу его позвонила! Пусть он и вызывает!
Арина уходит.

Как странно и глупо бывает: люди встречаются, загораются, внезапно между ними вспыхивает искра, а затем вдруг таким же непостижимым образом вдруг понимают, что совершенно не знают того человека, с которым живут, с которым существуют параллельно, лишь изредка нелепо пересекаясь на одной жилплощади.
Но ведь это страшная ошибка! Разве это не какая-то глупая случайность? Разве то, что казалось целом миром безграничных возможностей, может вдруг оказаться комком плесени?
Вот они, Вера и её муж, прощались на пороге этой квартиры. И какое у мужа было странное лицо: то ли «мне настолько неприятно и тяжело находиться с тобою рядом», то ли «тоска по упущенному счастью», то ли ещё какая-то третья, неясная скорбь. И уже тогда вокруг них был этот приторный, тухло-сладкий запах разлагающегося в соседней квартире тела. Запах пробивался через щель у кнопки звонка (ведь раз идёт от кнопки провод в квартиру, значит, есть и путь для воздуха?), через щели между дверьми (ведь не могут же они абсолютно плотно прилегать), через замочную скважину (в конце концов!), через ещё какие-то незримые щели — да мало ли других возможностей! И вот Вера с мужем обнялись в последний раз, прощаясь навсегда,

а вокруг них уже был запах необнаруженной смерти. Муж ушёл. Вера закрыла дверь. Но запах успел проскользнуть в прихожую.
Закончив с вещами, Вера сложила пакеты в пакет и повесила на балконе. Ну вот, при следующем переезде ей уже будет во что упаковать вещи. Не зря же она вчера весь вечер бегала по магазинам в поисках пакетов.
Надо пообедать.
С того момента, как муж сказал, что им нужно расстаться, Вера не ела. Только маленькими глоточками холодный чай. Сколько же мужества нужно, чтобы проглотить маленький кусочек!
Неуверенный звонок в дверь. Ещё до него Вера слышала, как на лестничной площадке кто-то шуршал.
Это отец Лёньки. Ключей от квартиры у него нет. Даже если были — заходить туда страшновато, мало ли что, лучше уж с полицией. Да и сам Лёнькин отец был уж очень пожилой и плохенький.
Вера звонит в полицию, объясняет ситуацию. Поднимается любопытная соседка из квартиры снизу. Шурочка. Вера её более или менее знала, когда ещё жила здесь. Впрочем, теперь Вера снова живёт здесь.
Пока Вера вызывает МЧС, чтобы вскрыть дверь, появляется зять. То есть муж дочери отца Леньки. Там довольно большая семья, просто Лёнька как-то от них оторвался, отлетел, был сам по себе. Словом, Вера не особо разбирается, кто там зять, брат или сват. Спасибо что хоть кто-то приехал.
Ну, не стоять же под дверьми? Вера приглашает всех на свою узкую, метр на метр, кухню. Вот счастья-то привалило!
Отца сажают на стул. Зятя на табурет. Для Шурочки Вера приносит стул из большой комнаты. Сама садится на тумбочку, в которой без дела скучают кулинарные книги и кухонные формочки. Зачем на кухне офисная тумбочка? Только место занимает. Развернуться негде. Выкинуть жалко.
Приходит участковый: молодой парень. Соглашается с тем, что странный запах и в самом деле есть. Теперь нужно заполнить протокол, то есть бумажку, которая является основанием для вызова участкового и вскрытия двери. Вера не особо вникает в суть, хотя у неё и берут паспортные данные и уточняют что да как.

Возвращается Арина в ещё большей истерике, чем утром. На этот раз с ней ещё какие-то товарищи. Может, с ними Лёнька пил, может, у них брал в долг и не отдавал. Чёрт его знает. Но вот истерика у Арины самая настоящая. На звуки выбегают зять, участковый и подоспевший сотрудник МЧС. Вера так и сидит на тумбочке, в голове проносится смутная мысль, не пропустить бы звонок.
«Дай бог. Чтобы всё обошлось», — завывает Арина. Впрочем, до этого почти спокойным голосом сообщившая участковому имя и телефон и взявшая с него обещание позвонить. Компанию сажают в лифт и отправляют по домам.
Всё это происходит мучительно долго, настолько долго, что Вера даже толком не слышит разговора, звуки растворяются в пространстве.

Минут пять МЧСник колупается в замке. Наконец, первая дверь отворяется. На второй — у Веры тоже сразу за первой, железной дверью есть вторая, деревянная, обтянутая крупной сеткой-авоськой, дверь из другого времени и другой, советской страны — у Лёньки на второй двери сеткой прижата бумажка: «Согласно УК РФ без полиции вход в квартиру запрещён». Или что-то в этом роде. Вера стоит дальше всех, и Шурочка немного загораживает ей обзор (вот уж кому нравится копаться в чужой смерти). Но слова «УК РФ» там точно есть. К Лёньке часто ходили всякие, искали его, ломились. Когда Вера ещё ребёнком жила в этом месте, какие-то люди порезали дерматиновые двери ей (вернее, её бабушке) и Лёньке. Словом, скрываться и вешать на двери предупреждения — причины у Лёньки были.
И в то же мгновение, как Вера обращает внимание на бумажку-предупреждение, её настигает запах. Тот самый, который описывают как «сладковатый тлен», хотя пока его не почувствуешь, точно и наверняка зная что это, можешь спутать его с канализацией или с просто запахом старья, опять же по неопытности.
Участковый быстро заглядывает внутрь, не переступая порога. И, зажав нос, отходит.
— В дальней комнате, — взмахивает рукой, приглашая понятых

заглянуть и удостовериться.
Шурочка подскакивает первая.
— Ну и бардак.
Зять заглядывает молча. Вера — нехотя. Тело далеко, и от двери видно только ноги. Зато запах! Участковый бледен, будто ни разу за службу не участвовал во вскрытии квартиры с покойником.
Лёнька, наверное, никогда не разбирал и не выбрасывал вещей, да может и вообще мало думал о земном пристанище.
Отсюда, где все столпились, лучше всего видно кухню. Короткий коридор, где со стен сползают обои. Обшарпанная табуретка, журналы, газеты, бутылки, куда же без них, на полу лежит полотенце. Выцветшая занавеска, привязанная к дверному косяку, и уже после кухня. Прямо по курсу — обеденный стол, клеёнка чуть перекосилась, заварочная кружка с чаем, заварка уже покрыта плесенью. Вера вдруг неожиданно чётко видит эту плесень, такая белёсая, мягкая, сверху чуть-чуть припорошена зеленовато-голубым налётом, похожа на порченную жирную сметану. Вера однажды забыла вымыть заварочную кружку, и там тоже всё покрылось плесенью. Муж ругался. И эта вовремя не отмытая плесень незаметно расползлась по их отношениям.
Несколько секунд, из квартиры вылетают мухи, и Вера отшатывается. Уходит к себе.
Конечно, Лёньку из жизни вытеснили все эти накопленные за много лет вещи. Ненужные и нужные, они заполнили квартиру так, что в ней не осталось места для воздуха, для дыхания. Когда человек свободно и глубоко дышит, у него вздымается грудь, а для этого нужен простор, а не тиски. Вот Лёнька жил в тисках.
Оказывается, теперь нужно заполнить ещё бумажки. Зять и отец Лёньки вместе с участковым остаются беседовать на Вериной кухне. Вера с Шурочкой уходят в бабушкину комнату.
Вера сидит на кровати, листая ленту в телефоне, который не звонит, ну и пусть не звонит, сейчас не лучшее время. Если вдруг позвонит, то что тогда? Выйти в другую комнату, чтобы спокойно поговорить? Но разве можно спокойно разговаривать, когда рядом обсуждают покойника. Обсуждают именно на Вериной кухне. Потому что ну куда их? На лестничную площадку выгнать?

Господи, как же всё провоняло сладковатым тленом! Да ещё жара на улице. Хоть бы дождь пошёл!
Время от времени Вера слышит с кухни: как давно видели? Болел ли? Были ли проблемы? В феврале говорили по телефону. Пил. Брал в долг, не работал.
Шурочка внимательно слушает, иногда даже выходит из комнаты в коридор и стоит на углу, где лучше слышно.
«Да разве же так можно?» — устало думает Вера.
Человек умер, а всем любопытно. Разве хорошо о таком любопытствовать? Разве хорошо суетиться?
Но смерть — это суета.
Вот Лёнька умер, а теперь волей-неволей ему перемывают косточки, очень формально, но всё-таки перемывают. А Лёнька? Лёнька не может встать и сказать: было так-то и так-то. Лёнька умер и не может рассказать или объяснить. Что он там чувствовал, умирая в одиночестве? Было ли это быстро и внезапно? Или он успел всё осознать? Ещё о чём-то думал, пока сердце делало последние удары. Вот про него запишут, что он много пил. И что? «Много пил» — это что, вся его суть? Неужели от него ничего больше не останется, кроме провонявших трупом вещей, и «много пил, брал в долг, не отдавал»? И даже это Шурочкино любопытство будет недолгим. Завтра или послезавтра случится что-то ещё, и она забудет.
Ждут следственную комиссию. Оказывается, надо сначала дело завести. И внезапно: «участковый» и «следственная комиссия» — это не одно и то же. Потом надо дождаться скорую, которая констатирует смерть, и только потом труповозка увезёт тело. Вера будто в мутном, илистом сне.
Когда на улице уже потихоньку смеркается, приезжает следственная комиссия. Осматривают. Уходят. Участковый тоже уходит. На кухне сидят отец Лёньки и зять. Кому-то звонят, по знакомым, по связям. Надо же где-то хоронить, участок нужен, потом ещё кому-то звонят. Вера лениво, полусонно наблюдает за тем, как внимательно слушает Шурочка, запоминая каждое слово. Надо бы попросить её уйти. Но как-то неловко.
Наконец, нужно идти на улицу. У седьмого подъезда есть небольшая развилка, одна дорога вдоль дома, вторая — в гаражи.

Вот там, на развилке, стоит полицейский фургон. Понятым, Вере и Шурочке, надо расписаться, хотя Вера уже где-то расписывалась. Дать паспорт — получить паспорт обратно — расписаться.
Затем Вера, Шурочка, отец Лёньки и зять стоят под тополем и дышат воздухом.
«Как же хорошо!» — думает Вера. Тёплый вечер. Лёгкий ветер. Нет, нехорошо думать о таком, всё-таки человек умер.
Вера предлагает отцу и зятю подняться на кухню, если им надо где-то посидеть. Они отказываются, и Вера с тайным облегчением бежит домой. Запирается.
Затем Вера моет полы. Всё-таки столько чужих людей здесь походило! Слышит, как в ту квартиру приходит мастер, меняет замок, чуть позже, уже после душа Вера слышит, как приходят санитары. Во всяком случае, слышит, будто какую-то тележку на колёсиках катят в лифт. Шурочка, будь это её этаж, наверное, подошла бы к дверному глазку посмотреть.
Вера выключает свет и ложится в постель.
Как же хорошо после нескольких лет на продавленном диване снова спать на ортопедическом матрасе!
«И почему мы с мужем не перетащили кровать и матрас на его квартиру?»
Вера как-то предлагала, но муж не захотел. Потому что в доме нет грузового лифта? Потому что с самого начала предчувствовали, что ничто не вечно, и всё с треском развалится, и нужно будет тащить вещи обратно?
«Так, может, всё это время и не было у меня никакой семьи? Одна иллюзия, фантазия? И зря я жду звонка. Никто не позвонит».
Всё-таки этот проклятый запах, кажется, пропитал всю квартиру.
Не спится. Проносятся мысли. Вера остаётся один на один с бездной. И если вдруг что-то случится, ты будешь одна. Тебе некого будет разбудить глубокой ночью, не с кем поговорить о том страхе, который живёт в тебе с пятилетнего возраста, с того самого момента, как ты вдруг осознала, что не просто человек смертен, но конкретно — ты. Никто не скажет «всё будет хорошо», не обнимет, не возьмёт за руку. Никто не разделит

твоих тревог и сомнений. Никто не будет не спать вместе с тобой, потому что у тебя что-то болит или просто страшно. И перед этой бездной — когда у тебя вдруг лопнет аневризма или тромб оторвётся — в твою последнюю секунду, когда бездна потянется к тебе, ты будешь одна. И это неизбежно. Ты будешь, как Лёнька, лежать на матрасе, гнить, и никто не узнает, пока соседи не почуют запах — дай бог тебе соседей с обострённым обонянием.

Были ты и Человек. Остались только ты и бездна.

Вера отбрасывает одеяло.

Всюду мерещится сладковатый тлен.

Одевается и выходит на улицу. Делает круг. Нет, надо всё-таки поспать.

В подъезде два лифта. Один, основной лифт, ровно на этаже. Второй, дополнительный лифт, на площадке между этажами, рядом с мусоропроводом. Основной лифт где-то наверху. И чтобы не ждать его, Вера идёт к дополнительному. Он как раз внизу.

Приезжает, площадка между её и Шурочкиным этажом. Но, ещё прежде чем двери лифта открываются, Вера слышит голос Арины. Она или пьяная, или совсем невменяемая.

— Что же, вы его не уберегли? Вы же соседи! Вы должны были за ним присматривать! Это его дядя спаивал нарочно! Вас бог накажет за это! Вы его сгубили! Разве можно так с живым человеком? Вы же соседи!

И всё это под яростный стук в дверь. Верину или Лёнькину дверь? Отсюда не понять.

Вера идёт вдоль шоссе к Ботаническому саду. Всюду огни горят, и кажется, что тьмы не существует.

Ночью сад закрыт, и Вера перелезает через забор.

В саду темно. Здесь нет фонарей или иных источников света, кроме сердец деревьев.

Старый дуб. Судьбы-сплетения ветвей. Сломанные, кривые, обрубленные, устремлённые ввысь, бегущие прочь, переплетающиеся, расплетающиеся.

Пока человек жив, какой бы ни была его жизнь, даже если жизнь не складывается так, как хотелось бы, — человек всё равно

может жить и быть счастлив.
Лёнька мёртв, и тело его разлагается. Он уже ничего не может. Но Вера-то жива!
Дерево, соединяющее землю и небо, расползающееся между ними, в себе несущее вечное. И не счесть листьев на нём, не узреть всех изгибов ветвей. Чуть сменишь точку обзора – меняется рисунок. И таких рисунков безгранично много.
Вера дышит глубоко и свободно.

Об авторе: ДАРЬЯ ЛЕДНЕВА

Родилась в Москве в 1989 г. Пишет мистику, сказочную фантастику и лирическую прозу. Изучает русскую литературу XX века в аспирантуре Литературного института им. А.М.Горького. Публиковалась на портале Мир Фантастики, в журналах «Хорроскоп», «Полдень», «Мю Цефея», «Литературный оверлок», «Аконит», «Литерратура», на портале Pechorin.net. Hekaýalar